

С.Ю. Бородай
(Институт философии РАН)

**ПРЕОДОЛЕВАЯ СЛОВОЦЕНТРИЗМ:
НА ПУТИ К НОВЫМ ОСНОВАНИЯМ
ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА¹**

В статье представлена попытка переосмыслить характерное для западной философии и бытового сознания понимание языка как «набора слов», соотнесенных с «объектами» внешней действительности. Против такого подхода приводятся следующие аргументы: понятие «слова» (как и само деление на морфологию и синтаксис) не имеет метаязыкового статуса; классификация частей речи лингвоспецифична, так что прототипическая референциальная функция «существительного» не может претендовать на статус универсальной языковой функции; представление о языке как «наборе слов» отражает лишь специфическую метапрагматическую осведомленность носителей европейских языков. Рассматривая факты языкового разнообразия и языковых функций в свете грамматической типологии, мы показываем, что наиболее адекватной интерпретацией соотношения языка и действительности является такое понимание, которое характеризует язык как масштабный аппарат по принуждению к определенному изображению события. При этом подчеркивается фундаментальная специфичность грамматической структуры и узусных моделей каждой конкретной языковой системы. Для продвижения философского осмысления языка необходимо перейти от наивной схемы «слово – референция – объект» к более реалистичной схеме «язык (как набор морфосинтаксических паттернов концептуализации) – соотнесение – событие (как комплексная смысловая ситуация)».

¹ Первая публикация (на английском языке): Boroday S. Overcoming Word-Centrism: Towards a New Foundation for the Philosophy of Language // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 13 (8). P. 1275–1288.

В философии широко распространено мнение о том, что особой значимостью для понимания сущности языка обладает его референциальная функция – функция соотнесения «слова» и «объекта» внеязыковой действительности. Этот подход, в котором язык имплицитно представлен как «набор слов», соотнесенных с внешними объектами, получил распространение и в бытовом сознании: используя теорию М. Сильверстейна, можно сказать, что он отражает «метапрагматическую осведомленность» носителей индоевропейских языков о том, как функционирует их собственная языковая система. Однако может ли такой взгляд претендовать на универсальность? Ответом на это является однозначное «нет». На то имеется несколько причин.

Во-первых, как показал Сильверстейн, варианты метапрагматической осведомленности разнятся от языка к языку: то, как понимает механизм функционирования своего языка один носитель, отличается от понимания у носителя другого языка, хотя здесь и могут быть выделены некоторые универсальные семиотические тенденции¹. Отсюда следует, что носитель языка с принципиально иной структурой, вероятно, мог бы определить в качестве значимых те функции, которые не кажутся актуальными носителям европейских языков (или просто не находят аналога у них).

Во-вторых, референция в классическом смысле отражает базовую функцию существительного, однако языковая система содержит и другие части речи, которые выполняют иные функции; даже если признать, что функция существительного является прототипической, все же возникает сомнение в возможности трактовать ее как универсальную языковую функцию, поскольку, как показывает Л. Талми, имеется важное типологическое различие между объектно-доминантными и акционально-доминантными языками, т.е. между языками, использующими для обозначения объектов и субстанций прототипические существительные, и языками, использующими для этих целей прототипические глаголы (ср. «*Hailstones came in through the window*» vs. «*It hailed through the window*»)². К этому нужно добавить, что универсальность «существительного» в качестве метаязыкового концепта вызывает сомнения.

¹ Silverstein M. The Limits of Awareness // Working Papers in Sociolinguistics. No. 84. Austin: Southwestern Educational Laboratory, 1981.

² Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. I: Concept Structuring System. Cambridge, 2000. P. 45–46.

В-третьих, хотя в процессе онтогенеза моторное взаимодействие с «вещами» играет огромную роль, все же сформированный в сознании взрослого человека концепт «объекта» не является чем-то независимым от языка, но выступает сложным перцептивно-понятийно-языковым конструктом, различающимся от языка к языку и от культуры к культуре, – следовательно, его неприемлемо использовать для описания универсальной языковой функции.

В-четвертых, само понятие «слова» не может претендовать на метаязыковой статус, но является лингвоспецифичным концептом (об этом см. ниже).

Это лишь часть аргументов, которые можно привести против понимания сущности языка в связи с соотнесением «слов» и «объектов». Если это понимание является ограниченным и обусловленным лингвистической идеологией определенного типа, то как следует подходить к проблеме языка, чтобы охватить максимально широкую перспективу? В данной статье будет представлена попытка бегло рассмотреть указанную проблему в свете известных нам типологических вариаций. Мы попытаемся показать, что понимание языка как «набора слов», а межъязыковых различий – как различий в классификации слов и означивании, является глубоко ошибочным. В действительности: 1) понятие «слова» (как и деление на морфологию и синтаксис) не обладает метаязыковым статусом, но имеет смысл лишь применительно к конкретному языку; 2) каждый язык предоставляет оригинальную классификацию значимых элементов («частей речи»), которую необходимо рассматривать на основе критериев, приложимых к данному языку, и с учетом внутриязыковых отношений; 3) различие лексического и грамматического также является внутриязыковым; 4) грамматичность в широком смысле включает лексическую, дискурсивную и референциальную обязательность, при этом сочетание всех типов обязательности формирует уникальный *риторический стиль* языка; 5) в конечном счете, язык – ввиду навязываемых им ограничений на способы выражения – должен пониматься как масштабный аппарат по принуждению к определенному изображению события.

Учитывая эти тезисы, может быть сделан следующий вывод, важный для философии языка: необходимо перейти от наивной концепции языка как соотнесения «слов» и «объектов» к идее языка как набора морфосинтаксических структур и узусных моделей, имеющего ограниченный и принудительный характер и соотносящегося не с дискретными «объектами», а с комплексными *событиями*, которые подвергаются различной имплицитной концептуализации в зависи-

мости от особенностей конкретной языковой системы. Эта схема позволяет лучше понять природу языка и *реальный* способ его функционирования. Кроме того, из нее следует, что в философии языка (по крайней мере, на первых порах) акцент должен делаться на типологии языкового функционирования на примере реально существующих естественных языков, а не на абстрактном «языке вообще», представляющем собой чаще всего выхолощенную и безжизненную версию родного языка исследователя, почти всегда – индоевропейского (а в наше время – английского)¹.

Слово

В психологии, философии, логике и многих других гуманитарных дисциплинах понятие «языка» имеет устойчивую ассоциацию с понятием «слова». Подобная ассоциация также отмечается в бытовом сознании. Общая идея может быть выражена следующим образом: язык – это слова, а слова – это обозначения предметов; будучи набором слов, язык находится где-то между мыслью и предметами. Примечательно, что сходную модель развивал еще Аристотель. Теория референции – от средневековых мыслителей до Чалмерса – также работает со «словом». Названия крупных трактатов по философии часто включают в себя понятие «слова»: вспомним хотя бы «Слово и объект» Куайна или «Слова и вещи» Фуко. Во всем этом действительно имеется какая-то интуитивная ясность. Однако проблема «слова» – будучи переведена в профессиональную лингвистическую и типологическую плоскость – не является такой простой, какой она кажется на первый взгляд. Начнем с того, что само значение «слово» отсутствует в культурах архаического типа². В европейских языках обозначения «слова» развились из обозначений «имени» или «высказывания» (русс. *слово*, англ. *word*, франц. *mot*; в праиндоевропейском была лексема **h₃nom̥* – «имя», но не было лексемы со значением «слово»).

Во многих структуралистски ориентированных направлениях «слово» не являлось частью формального анализа. На протяжении XX в. предлагались многочисленные формальные определения, одна-

¹ Ниже в самом в общем виде представлены идеи, получившие подробное обоснование в нашей монографии, посвященной проблеме лингвистической относительности и вопросу о месте языка в когнитивной архитектуре: Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. М., 2020.

² Dixon R. Aikhenvald A. Word: A Typological Framework // Word: A Cross-linguistic Typology. Cambridge, 2002. P. 3.

ко ни одно из них не оказалось в полной мере удовлетворительным. Причина кроется в том, что универсального определения, судя по всему, просто нет. Но если его нет, то проблематичными оказываются понятия «морфологии» и «синтаксиса», поскольку они оба определяются, исходя из «слова»¹. Если взглянуть на концепт «слова» с точки зрения типологии, то окажется, что надежных критериев для его выделения в качестве метаязыкового концепта не существует. Ни один из приводившихся в литературе критериев (возможность паузы, свободное использование, непрерывность, неизбирательность и пр.) не может считаться универсальным². Ввиду того что речь идет о формальном, или грамматическом, статусе «слова», фонологические критерии в данном случае не должны играть решающей роли.

Если «слово» не является универсальным понятием, то тогда оно может быть лингвоспецифичным концептом. Этот вариант рассматривался некоторыми структуралистами. Термин «слово», в таком случае, потенциально имеет столько же значений, сколько существует языков; это же относится к терминам «морфология» и «синтаксис». Грубо говоря, «слово» – это элемент, занимающий промежуточную позицию между минимальным знаком и фразой. Хотя такой подход имеет смысл при анализе конкретного языка, все же в типологическом плане более приемлемо делать акцент на минимальных морфосинтаксических сочетаниях с различными степенями компактности (или степенями связности, англ. *degrees of tightness*), рассматривая особенности этих сочетаний на примере каждого конкретного языка. Можно согласиться с выводом М. Хаспельмата о том, что понятия «слова», «морфологии» и «синтаксиса» не слишком актуальны для лингвистической типологии³.

С другой стороны, придание привычным представлениям о слове только орфографической реальности является слишком смелым шагом. Несмотря на то что с точки зрения грамматической типологии лингвоспецифичная трактовка «слова» не имеет большого смысла, она релевантна для *психолингвистики* и *семантики*. В пользу этого говорят, с одной стороны, данные афазий, а с другой стороны, интуи-

¹ Очевидно, понятия «слова», «морфологии» и «синтаксиса» просто зависят друг от друга.

² *Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation and the Nature of Morphology and Syntax // Folia Linguistica. 45 (2). 2011. P. 31–80; Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 428–429.*

³ *Haspelmath M. The Indeterminacy of Word Segmentation and the Nature of Morphology and Syntax. P. 62.*

ции носителей языка. Даже неграмотные люди чувствуют, что существуют комплексные и устойчивые элементы, которые располагаются в морфосинтаксическом континууме между морфемой и фразой. В разных языках набор таких элементов различен, и даже в рамках одного языка здесь возможны некоторые вариации. Однако во всех случаях имеются элементы, обладающие особой *пропозициональной* и *психологической* релевантностью для носителя языка. Это и есть лингвоспецифичные «слова».

С пропозициональной точки зрения «слово» – это элемент, пригодный для прототипической референции. Вероятно, такая пригодность связана с реалиями усвоения языка. Вначале усваиваются те комплексы знаков, которые лучше всего подходят для референции. Они составляют базовый фонд, который хранится в памяти и который используется на холофрастической (слово-предложение) стадии. Затем на основе регулярностей в этих комплексах и под влиянием внешней речи абстрагируется то, что принято называть «грамматикой». В более поздний период дети уже могут самостоятельно достраивать недостающие формы, что связано с активной включенностью грамматики в когницию. Таким образом, первичный состав, усваиваемый ребенком, отражает практику референции в данном сообществе. К сожалению, проследить эволюцию референциальной практики напрямую невозможно. Вопрос о том, почему в одних сообществах в качестве минимальных используются одни комплексы, а в других – другие, связан с проблемой развития языка, в частности с теорией грамматикализации.

С психолингвистической точки зрения «слово» – это элемент, составляющий основной фонд языковой памяти. Принимая данное определение, важно учитывать, что языковая память лингвоспецифична. Например, носители синтетических языков запоминают не только слова, но и фразы, конструкции, словосочетания, идиомы, отдельные аффиксы и пр. Однако ядро этой памяти составляют именно «слова», т.е. элементы, усваиваемые для прототипической референции. На психологический статус слова могут влиять и нелингвистические факторы. Они способны повышать/понижать психологическую релевантность слова или других сочетаний морфем.

Таким образом, хотя в перспективе грамматической типологии концепт «слова» не является релевантным, все же можно говорить о «слове» в психолингвистическом и семантическом плане; при этом нужно держать в уме, что каждый раз речь идет о *лингвоспецифичном* понятии.

Части речи

Базовой классификацией, заложенной в языке, является деление значимых лингвоспецифичных элементов на *части речи*. Оборот «части речи» скалькирован с латинского *pars oratiōnis*. В англоязычной литературе сейчас больше распространены обозначения *lexical categories* и *word classes*. Представляется, что эти термины лучше выражают то, что имеется в виду. Действительно, под *частями речи* следует понимать имплицитную группировку значимых элементов, осуществляемую носителями языка интуитивно и отраженную в языковой системе на грамматическом уровне. Как правило, проблема частей речи связана с проблемой выделения слов, поскольку классифицируемыми элементами чаще всего оказываются лингвоспецифичные слова. Однако в некоторых случаях базовым элементом может выступать морфема; в принципе возможны классификации, в которые будут включены и корни, и аффиксы, и сочетания морфем, так что признание реальности частей речи не всегда влечет за собой признание реальности слова и не всегда требует четкой дефиниции «слова».

Все языки базируются на имплицитной категоризации значимых элементов. Иначе говоря, нет такого языка, в котором слова или морфемы были бы полностью гомогенны в функциональном плане, т.е. потенциально могли бы получать все возможные морфологические, синтаксические и дистрибуционные характеристики. Тем не менее языки по-разному проводят внутренние демаркации в лексической сфере: от десятков категорий до нескольких категорий. Принципы внутреннего деления также различны: например, значение, передаваемое с помощью «существительного» на одном языке, может кодироваться «глаголом», «прилагательным» и пр. на другом языке. При этом понятия «существительного», «прилагательного» и «глагола» употребляются здесь лишь в приблизительном смысле, поскольку имеются все основания полагать, что эти категории лингвоспецифичны. Потенциальная уникальность внутренней категоризации делает вопрос о частях речи крайне актуальным.

Обращаясь к истории изучения частей речи, мы обнаруживаем устойчивый европоцентризм, который на данный момент до конца не преодолен. Из западных мыслителей предварительную классификацию проделали еще Платон и Аристотель, позже она была усовершенствована эллинистическими учеными, в частности Хрисиппом и Дионисием Фракийским. Если в профессиональной лингвистике – начиная с гумбольдтианства и заканчивая структурализмом – господ-

ствовало мнение о лингвоспецифичности частей речи, то с развитием генеративистского направления можно говорить о возрождении универсалистской трактовки. В раннем генеративизме проблема частей речи не ставилась, поскольку принималось априори, что деление на имя, глагол и прилагательное существует во всех языках (вне этого деления оказываются бессмысленными почти все претендующие на универсализм синтаксические структуры, предложенные Хомским). И по сей день в этом направлении доминирует универсалистская трактовка¹. Стоит отметить, что в *функциональной типологии* еще со времен Гринберга компаративные «части речи» трактовались семантически, а не формально и грамматически. Современные типологи и авторы грамматик (впрочем, не все) используют понятия «существительного», «глагола» и «прилагательного», однако едва ли кто-то считает, что «глагол» в английском языке – это то же самое, что «глагол» в языке нутка или адыгейском. Таким образом, использование данных терминов отражает традицию, и их значения условны, хотя и связаны с пропозиционально-референциальным прототипом. Важно понимать, что употребление терминов вроде «глагола» и «существительного» нередко предполагает имплицитное сравнение с родным языком исследователя, и оно может способствовать искажению реалий другого языка при его описании. Поэтому более последовательной выглядит позиция тех типологов, которые подчеркивают лингвоспецифичность этих категорий и настаивают на необходимости обозначать и описывать их, исходя из внутренних отношений конкретного языка. Эта неоструктуралистская тенденция стала особенно заметна в последние годы².

Существует несколько критериев для выделения частей речи в конкретном языке. Основное внимание в лингвистике уделяется морфологическим, синтаксическим и семантическим критериям. Фактически наиболее адекватная классификация в рамках конкретного языка предполагает сочетание нескольких критериев. Прежде всего должна учитываться интуиция носителя языка, который, как правило, чувствует функциональную неоднородность слов/морфем, хранящихся в памяти. Именно это ощущение стоит за традиционными классификациями: европейская модель, по сути, отражает реалии индоевро-

¹ См., напр.: Baker M. *Lexical Categories: Verbs, Nouns, and Adjectives*. Cambridge, 2002.

² См.: Haspelmath M. How to Compare Major Word-Classes across the World's Languages // *UCLA Working Papers in Linguistics, Theories of Everything*. 17. 2012. P. 109–130; Hengeveld K., van Lier E. Parts of Speech and Dependent Clauses in Functional Discourse Grammar // *Studies in Language*. 32 (3). 2008. P. 753–785.

пейских языков, а другие лингвистические традиции – например, китайская и японская – отражают реалии тех языков, на которых они базируются. Неоднородность слов подтверждается также данными афазий. С психолингвистическим критерием должен затем сочетаться морфологический и синтаксический критерий. Однако в каждом конкретном случае ценность последних двух критериев относительна, так что можно сказать, что критерии для выделения лексических категорий сами лингвоспецифичны. Так, в языке науатль существительное и глагол сильно различаются морфологически, но не синтаксически; в черкесском языке и салишском языке комокс это противопоставление обнаружить возможно, но оно слабо маркировано; в таитянском языке оно характеризуется небольшими различиями в морфологии и синтаксисе, хотя синтаксические различия могут быть нейтрализованы; в ирокезском языке кайюга имеется различие на уровне корней, которое нейтрализуется в инкорпорациях; в тагальском языке указанное различие отсутствует на синтаксическом уровне, но довольно заметно в морфологии¹.

Если последовательно применить несколько различительных критериев, то части речи, или психологически и грамматически значимые группировки лексем, можно обнаружить в любом языке. Как уже отмечалось, нет языков, в которых морфемы/лексемы полностью однородны в функциональном плане. Однако имеются языки, приближающиеся к такому «идеалу» – во всяком случае, в сфере знаменательных слов. Подобная модель предполагается, например, для древнекитайского языка².

Итак, имплицитные классификации лексем лингвоспецифичны, и критерии, по которым производятся эти классификации, тоже лингвоспецифичны. Что в таком случае обозначают термины «имя», «глагол», «прилагательное»? И в каком смысле можно говорить о существовании «имен», «глаголов», «прилагательных» в определенных языках? Выше мы уже отмечали, что использование этих терминов для метаязыкового анализа является условностью, поскольку реально никто не считает, что эти категории обозначают одно и то же во всех языках. Если мы рассматриваем эти концепты как метаязыковые, то приходим к довольно абсурдной ситуации, которую подметил Хаспельмат: формулировки вроде «Имеются ли в данном языке прилагательные?» или «Во всех ли языках имеется различие имен и

¹ Аллатов В.М. Слово и части речи. М., 2018.

² Bisang W. Precategoriality and Argument Structure in Late Archaic Chinese // Constructional Reorganization. Benjamins, 2008. P. 55–88.

глаголов?» просто оказываются бессмысленными. Они сопоставимы с вопросами «Каков порядок наследования немецкого трона?» и «Сколько штатов во Франции?»¹. Разбиение на части речи полностью лингвоспецифично, хотя здесь и могут быть выделены некоторые общие «неформальные» тенденции².

Необходимо перейти от проблемы «классов слов» как категорий к проблеме «классов морфем» как компаративных концептов. Определение этих классов должно делаться на семантических основаниях, при этом отчасти нужно привлекать и пропозициональные критерии. Именно такую позицию занимает У. Крофт³. Согласно Крофту, «глагол», «существительное» и «прилагательное» являются типологическими прототипами, которые могут быть описаны с помощью семантических и пропозициональных критериев: прототип существительного характеризуется предметной семантикой и референциальной функцией, прототип глагола – семантикой действия и предикативной функцией, прототип прилагательного – семантикой качества и функцией модификации. Нам представляется, что такой подход приемлем, если мы исключим из прототипических концептов «прилагательное», поскольку этот концепт не обладает универсальностью и его семантика довольно расплывчата. По-видимому, универсальность прототипов имени и глагола связана с когнитивной выделенностью устойчивых предметов и кратковременных действий. В общетипологической перспективе имеется следующая тенденция: класс лексем, ядро которого составляют обозначения устойчивых предметов, играет ключевую роль в акте референции, а класс лексем, ядро которого составляют обозначения действий, играет ключевую роль в акте предикации⁴. Порой эти различия едва заметны, но все же нет ни одного языка, в котором их не было бы совсем. Некоторые авторы предлагают гово-

¹ Haspelmath M. How to Compare Major Word-Classes across the World's Languages.

² Впрочем, само деление на «форму» и «семантику» не является четким и универсальным. В психолингвистическом плане формальное «обличие» значения для носителя языка также релевантно (ср. в связи с этим широкую дискуссию вокруг «грамматической семантики»). Но это – отдельная тема, на которой мы сейчас не хотели бы останавливаться.

³ Croft W. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001.

⁴ Мы говорим лишь о *тенденции*. Реальная картина может сильно отличаться от общей схемы – здесь уместно напомнить о предложенном Талми типологическом разбиении языков на объектно-доминантные и акционально-доминантные: Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. P. 45–46.

речь о биполярном континууме, полюсами которого являются прототипическое «имя» и прототипический «глагол». Между двумя прототипами располагаются другие знаменательные лексические категории, и в этом промежутке возможны значительные вариации. Существуют попытки описания языков, исходя из такого «недискретного» понимания частей речи: например, при таком подходе для австралийского языка муррин-пата наряду с именами, прилагательными и глаголами предполагаются глаголо-имена (*vouns*) и имя-глаголы (*nerbs*)¹, а в языке кайюга помимо имен и глаголов выделяется еще шесть промежуточных категорий². Нам представляется, что в дескриптивном плане континуальное понимание лексических классов наиболее приемлемо.

Итак, части речи, или грамматические группировки лексем/морфем, должны выделяться для конкретного языка на основе нескольких критериев. Предпочтительность определенных подходов к выделению лексических категорий зависит от строя языка, так что выбор подхода лингвоспецифичен. Сами части речи всецело лингвоспецифичны, хотя всегда существуют ограничения на вариации, и они лучше всего описываются концептом биполярного континуума. Компаративный анализ частей речи невозможен, поскольку они не сопоставимы в структурном плане. Общее поле для анализа – это «денотационная» семантика и тип пропозиции. Таким образом, каждый язык предоставляет оригинальную классификацию значимых элементов, которую необходимо рассматривать на основе критериев, приложимых к данному языку, и с учетом внутриязыковых отношений.

Функциональная структура

Выше подчеркивалось, что естественный язык характеризуется своеобразной внутренней категоризацией: такая категоризация предполагает, с одной стороны, формирование психологически значимых комплексных элементов («слов»), которые располагаются в морфосинтаксическом континууме между морфемой и фразой; а с другой стороны, группировку лексем по грамматическим классам. И признаки типичного слова, и принципы группировки, и результаты группировки – все это

¹ *Walsh M.* Vouns & Nerbs: A Category Squish in Murrinh-Patha (Northern Australia) // *Studies in Kimberley Languages in Honour of Howard Coate*. München, 1996. P. 227–252.

² *Sasse H.-J.* Scales between Nouniness and Verbiness // *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Vol. 1. Berlin – New York, 2001. P. 498–499.

зависит от конкретного языка. Сейчас мы рассмотрим другую важную особенность естественного языка – *функциональную категоризацию*, или *грамматику*. Грамматичность может трактоваться по меньшей мере двояко: в узком смысле она обозначает грамматическую систему, т.е. систему, формируемую значимыми элементами, основным признаком которых является *обязательность*; в широком же смысле грамматическое в языке – это вообще все то, что понуждается к выражению.

Формальная грамматичность, или грамматичность в узком смысле, – это каркас языковой системы. Проблема разграничения грамматического и неграмматического представляет сложность. Она является предметом дискуссий в теоретической лингвистике, и общепринятые критерии здесь отсутствуют. Такая ситуация, безусловно, связана не столько с теоретической беспомощностью лингвистов, сколько с имеющимся языковым разнообразием: те критерии, которые подходят для языков одного строя, зачастую совершенно не годятся для языков другого строя. Тем не менее, как представляется, наиболее пригодным в прагматическом плане является то определение грамматичности, которое было предложено Боасом. По его мнению, главной характеристикой грамматического значения является *обязательность*. Грамматическое значение, в отличие от лексического, *не может не выражаться*, при этом свойством обязательности обладает не столько отдельное значение, сколько грамматическая категория в целом. Лексическое значение, в противоположность грамматическому, не является обязательным и категориальным.

Значение, являющееся грамматическим в одном языке, далеко не всегда будет грамматическим в другом языке. С теоретической точки зрения грамматикализован может быть любой семантический домен, т.е. любая совокупность однородных значений может обрести черты категориальности и обязательности. Например, в североамериканском языке нутка грамматическими чертами обладает значение «физический недостаток субъекта (= тип уродства)»; для выражения этого значения используется специальный суффикс, присоединяемый к глаголу, также иногда происходят фонетические изменения внутри словоформы. В грамматическую категорию входят следующие значения: «нормальный», «толстый», «маленький», «косой/кривой», «горбатый», «хромой», «левша»¹. Кроме грамматикализации

¹ Классическое исследование по этой теме принадлежит Сепиру: Сепир Э. Аномальные речевые приемы в нутка // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. 1993. С. 437–454.

экзотичных семантических областей, можно также отметить существование некоторых экзотичных граммем внутри вполне типичных грамматических категорий. Например, в языке квакиутль встречается эвиденциальный маркер «видел во сне», в языке корафе имеется абсолютное время (или тип временной дистанции) со значением «со вчерашнего утра до сегодняшнего дня», а в языке энинтиляква грамматикализован именной класс, в который входят только объекты, отражающие свет. Случаи экзотичных граммем внутри типичного семантического домена распространены достаточно широко, в то время как случаи грамматикализации экзотичных семантических областей редки и обычно требуют дополнительной проверки. В грамматической типологии господствует мнение о том, что существуют универсальные семантические домены, подвергающиеся грамматикализации; в более умеренной форме эта идея предполагает, что существуют *общие тенденции* в грамматикализации тех или иных областей.

Итак, основная характеристика грамматического значения – это обязательность. Концепт, выраженный грамматически, используется автоматически и бессознательно. Различие между грамматическим и неграмматическим статусом концепта подразумевает целую группу когнитивных оппозиций: используемый vs. служащий объектом мысли; автоматический vs. контролируемый; бессознательный vs. сознательный; не требующий усилий при использовании vs. используемый с усилиями; фиксированный vs. новый; конвенциональный vs. личный¹.

Связывая грамматичность с обязательностью, следует иметь в виду, что обязательность характеризуется градуальностью. Повидимому, можно говорить о *шкале обязательности*, на которой располагаются разные грамматические значения. Например, категория времени в русском глаголе обладает меньшей обязательностью, чем категория наклонения, поскольку время должно выражаться лишь в изъявительном наклонении. На грамматическую обязательность иногда накладываются ограничения. Она может блокироваться другой грамматической категорией: так, в русском языке презенс блокирует выражение рода, а прошедшее время – выражение лица. Грамматическое значение может также блокироваться особенностями лексики: например, в русском языке не все глаголы имеют совер-

¹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004. С. 415–417.

шенный вид, а в английском языке не все глаголы употребляются в настоящем продолженном времени. Наконец, граммема может блокироваться дискурсивными и культурными обстоятельствами. Таким образом, именуя принцип обязательности основной характеристикой грамматического значения, нужно учитывать, что он редко представлен в законченном виде, и это связано с девиациями, существующими в любой языковой системе. *Формальная грамматичность должна определяться для каждого языка отдельно.* Этот тезис справедлив и для семантики граммеи, поскольку граммеи всегда обладают полисемией и функциональными особенностями. Он еще более актуален для способа выражения граммеи, поскольку едва ли имеются тождественные для всех языков способы выражения; да и неясно, что следовало бы понимать под таким «тождеством», если, как мы уже отмечали, формальные категории должны определяться исходя из внутриязыковых отношений.

Помимо рассмотренного типа обязательности, имеется то, что можно назвать *лексической обязательностью*. Лексическая обязательность является следствием категориальности и креативности означивания. Поскольку язык классифицирует и структурирует опыт специфическим образом, то он неизменно накладывает лексические ограничения на последующий разговор о мире. Например, доминирование в австралийском языке гуугу йимитир абсолютной системы ориентации («север»/«юг», «восток»/«запад») делает невозможным описание пространственных отношений в терминах релятивной системы («слева»/«справа», «спереди»/«сзади») и понуждает использовать лексику абсолютного типа. Наличие во многих языках цветообозначения «сине-зеленый» («grue») при отсутствии отдельных названий для «зеленого» и «синего» заставляет одинаково описывать эти цвета. Отсутствие слова для «ребенка тех же родителей» понуждает носителя русского языка каждый раз уточнять, идет ли речь о «брате» или о «сестре», в то время как носитель английского языка, активно использующий слово *sibling*, в этом не нуждается. В большинстве случаев язык не детерминирует речь в полной мере, поскольку возможны описательные формулировки, или перифразы. Тем не менее язык способствует тому, чтобы автоматически и активно использовались те значения, которые имеются в лексическом наборе. Перифраза предполагает дополнительную рефлекссию и когнитивную нагрузку, так что она востребована лишь в определенных ситуациях. К этому следует добавить, что очень часто мы встречаемся с еще более глубоким видом ограничения: в языке может вообще не быть средств

для выражения некоторых концептов. Так, в языках с дефектной системой числительных («один»/«мало»/«много») точные числовые значения не выражаются. В языках с двухчастной системой цветообозначений («светлый»/«темный») многие цветовые пластинки из системы Манселла не поддаются устойчивому наименованию. В ряде языков отсутствуют абстрактные понятия вроде «дерево», «растение», «животное», «инструмент» и пр. Интересно, что даже при наличии понятий такого типа существуют разные стратегии номинации подвидов, входящих в категорию: в русском и английском неизвестное растение будет обозначено как «растение», а в баско-вишрамском языке в отношении гипонимичного значения не может быть употреблен гипероним, и оно просто никак не будет поименовано. Таким образом, примеры лексической обязательности крайне разнообразны. Лексическая обязательность является логическим следствием ограничений на средства выражения. В самом общем виде ее можно представить в трех формах: необходимость проводить дополнительные демаркации («брат» или «сестра» vs. *sibling*); отсутствие возможности провести дополнительные демаркации («сине-зеленый» vs. «синий» и «зеленый»); отсутствие возможности сказать о чем-либо («справа от дома» или «розовый цвет»).

В дополнение к формально-грамматической и лексической обязательности имеется также *дискурсивная обязательность*. Дискурсивная обязательность подразумевает, что в данной ситуации должно быть употреблено именно это значение, и никакое иное. Она относится к тому, как языковая система воплощается в реальных речевых практиках. Если мы понимаем «язык» максимально широко, то дискурсивная обязательность, связанная с его узусом, является частью языка. Самый простой пример может быть взят из русского языка, где имеются две формы местоимения 2-го лица ед.ч. – «ты» и «Вы»; как известно, местоимение «Вы» является более вежливым, и оно используется в отношении уважаемых или незнакомых людей. Переход на «ты» в некоторых ситуациях придает неуважительные и даже агрессивные коннотации. Употребляя «ты» или «Вы», носитель русского языка демонстрирует свое отношение к собеседнику. Дискурсивной необходимостью такого типа не обременены носители английского языка, где отсутствует вежливая форма 2-го лица ед.ч.; а вот в японском, яванском, ачех и других языках имеются три степени вежливости, которые выражаются не только в системе местоимений, но и в другой лексике. Возникает ситуация, когда говорящий почти в каждом высказывании должен выражать свое отношение к собеседни-

ку (как правило, уничижительное, нейтральное или уважительное). Дискурсивная обязательность проявляется также в ситуационных и социолектных ограничениях: говорящий должен соотносить свою речь со статусом, степенью близости окружения и степенью формальности события. Во многих языках существуют «женские» социолекты, характеризующиеся особой грамматикой и лексикой. В индоарийских языках засвидетельствованы кастовые социолекты, для которых характерны даже фонетические особенности. В австралийских языках распространены специальные формы, используемые в присутствии родителей жены или мужа (так называемые языки избегания, англ. *avoidance languages*). Дискурсивная обязательность часто касается грамматических категорий. Хороший пример дает васко-вишрамский язык, где будущее время совершенного вида разрешается употреблять только в том случае, если говорящий может поручиться, что событие произойдет; в остальных ситуациях должно использоваться будущее время несовершенного вида¹. Мы привели лишь малую часть возможных примеров, которые отчетливо свидетельствуют о том, что язык – это не просто категориальная система значимых элементов, но и понимание того, *как* значения должны реализовываться в речевой практике.

К представленным типам обязательности следует добавить *референциальную обязательность*. Референция – по крайней мере, та реальная референция, которая нам знакома на собственном опыте – всегда осуществляется в рамках какого-либо языка и на основе какого-либо языка². Лингвоспецифичность референции имеет несколько измерений. Прежде всего мы всегда отталкиваемся от лексического/морфемного набора, предоставляемого языком. Сказать, что данное дерево – это «дерево», значит использовать уже имеющееся обозначение. Эта ситуация не так проста, если учесть, что не во всех языках возможно замещение гипонимичного значения гиперонимом (об этом уже упоминалось выше). Другая сторона номинации дерева «деревом» состоит в том, что мы – как носители синтетического языка – используем лексему, состоящую из основы и окончания, притом лексему в именительном падеже и среднем роде. Мы также используем лексему определенного класса –

¹ Хаймс Д. Два типа лингвистической относительности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 7. М., 1975. С. 260.

² Здесь мы понимаем слово «референция» в широком смысле – как «относительность» к неязыковой действительности.

класса существительных. Наконец, мы используем именно *лексему*, «слово», т. е. психологически значимый для нас элемент, который занимает в морфосинтаксическом континууме промежуточное место между морфемой и фразой. Референциальная обязательность выводится из лингвоспецифичности любого высказывания. Она состоит в том, что *референция имплицитно вовлекает весь строй языка*. При рассуждении о соотношении «слов» и «вещей» нужно всегда уточнять, какой язык при этом подразумевается. Специфика референции может требовать от носителя языка выражать не падеж и род, а, скажем, время и форму существительного (как в случае субстантивного времени, именных классов и классификаторов числительных). Несмотря на то что прототипически референция связана именно с «существительными», допустимы ситуации, когда использование «существительного» блокируется; в таком случае нельзя будет сказать о дереве как о «дереве», но нужно будет сказать, например, «быть деревом» или «дереветь». Подобный пример приводит Вяч. Вс. Иванов: «Индеец, учивший меня ирокезскому языку онондага, отказывался перевести на него с английского языка слово *tree* “дерево”, говоря, что морф со сходным значением есть только в составе глагольной формы»¹. Учитывая лингвоспецифичность «слова», в референцию может включаться от одной до нескольких морфем – все зависит от того, насколько комплексным в данном языке является типичное «слово». В общем, вариации в этой области обширны. Разные языки понуждают к разным моделям референции, поэтому нерелексивно говорить о беспредпосылочной референции – о «референции вообще» – значит невольно универсализировать референцию, осуществляемую на родном языке исследователя. К сожалению, именно этот путь выбирают многие теоретики со времен Платона и Аристотеля.

Итак, значимые элементы языковой системы негомогенны в функциональном плане. Они характеризуются разной степенью обязательности и конвенциональности. Представленные выше типы обязательности связаны друг с другом, и не всегда конкретный пример легко отнести к какой-то одной группе. Сочетание всех типов обязательности формирует уникальный *риторический стиль* языка.

¹ Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004. С. 52.

Заключение к рефлексивной философии языка

Итак, к какому пониманию языка мы приходим в результате представленного ранее анализа? Ниже тезисно даны идеи, позволяющие наметить то понимание «языка», которое учитывает реальную широту типологических вариаций и которое способно стать фундаментом для рефлексивной философии языка:

- Язык – это *внутренняя категоризация* значимых элементов, обеспечивающая категоризацию внешнего опыта, т.е. концептуализацию; данная формулировка не препятствует существованию многих других определений языка, поскольку любое определение обусловлено позицией, с которой мы рассматриваем феномен.
- Языки по-разному *организуют значимые элементы*, состав этих элементов также специфичен в каждой языковой системе; притом важно понимать, что такая организация может быть построена как по аддитивной модели, так и по более сложным моделям (ср. в связи с этим проблему неконкатенативной морфологии и многообразия грамматических средств).
- Означивание является *категоризацией* опыта; категоризация подразумевает абстрагирование некоторых свойств, их схематизацию, выделение прототипа, формирование данной категории и ее противопоставление другим категориям.
- Языки не только имеют дело с заранее заданными доменами опыта, но и способны *конструировать* оригинальные семантические пространства; иначе говоря, в ряде случаев означивание креативно.
- Креативность и категориальность означивания ведет к *уникальности* некоторых значений; подобные значения не могут быть переданы на другом языке в полноценном виде; впрочем, не исключено, что любое значение любого языка – ввиду его неповторимой дистрибуции – психологически уникально.
- *Семантическое измерение языка* включает в себе как категоризацию, так и частичное конструирование; кроме того, оно динамично, иерархично и негомогенно; все это обуславливает оригинальность семантики каждого языка.

- Динамичность, иерархичность и неоднородность семантического измерения обеспечивается тем, что принято считать *формальной стороной языка*, или *внутренней формой*; имеются все основания утверждать, что каждый язык характеризуется неповторимой имманентной структурой.
- Особой психологической релевантностью для носителя языка обладает элемент, находящийся в морфосинтаксическом континууме между морфемой и фразой; этот элемент – *слово* – с пропозициональной точки зрения является единицей, пригодной для прототипической референции; с психолингвистической точки зрения – это единица, составляющая основной фонд языковой памяти; на формальном уровне «слово» всецело лингвоспецифично, как лингвоспецифично и противопоставление морфологии и синтаксиса.
- Базовой классификацией, заложенной в языке, является деление лингвоспецифичных слов на *части речи*, или *лексические категории*; для выделения частей речи в рамках конкретного языка необходимо сочетание нескольких критериев; прежде всего должна учитываться интуиция носителя языка, который, как правило, чувствует функциональную неоднородность слов/морфем, хранящихся в памяти; с психолингвистическим критерием должны сочетаться морфологический и синтаксический критерии, однако оптимальное соотношение этих критериев зависит от строя конкретного языка; в типологической перспективе знаменательные части речи лучше всего описываются на основе биполярного континуума.
- Помимо имплицитной группировки лексем, каждый язык имеет *внутреннюю функциональную организацию*, которая предполагает формальную грамматичность, лексическую обязательность, дискурсивную обязательность и референциальную обязательность.
- *Формальная грамматичность* обеспечивается набором грамматических категорий, образуемых рядом взаимоисключающих значений, или грамем; значение, являющееся грамматическим в одном языке, может не являться грамматическим в другом языке; теоретически в языке может быть грамматизован любой семантический домен, однако существуют общие тенденции в грамматикализации тех или иных обла-

стей; оппозицию «грамматическое/неграмматическое» следует мыслить градуально; кроме того, на грамматическую обязательность иногда накладываются лексические, формальные, дискурсивные и культурные ограничения; все эти факторы должны рассматриваться для каждого языка отдельно, поскольку организация грамматических значений лингвоспецифична.

- *Лексическая обязательность* является следствием категориальности и креативности означивания, она обусловлена ограничениями на средства выражения; в самом общем виде ее можно представить в трех формах: необходимость проводить дополнительные демаркации, отсутствие возможности провести дополнительные демаркации, отсутствие возможности сказать о чем-либо на данном языке.
- *Дискурсивная обязательность* относится к тому, как языковая система воплощена в реальных речевых практиках; она подразумевает, что в данной ситуации должно быть употреблено именно это значение, и никакое иное; дискурсивная обязательность касается как отдельных лексико-грамматических значений, так и целых социолектов.
- *Референциальная обязательность* выводится из лингвоспецифичности любого высказывания; она состоит в том, что акт референции имплицитно задействует весь строй языка; реальная референция всегда осуществляется внутри конкретного языка и с привлечением его средств.

Представленный набросок резко расходится с распространенным мнением о языке как о наборе «слов», которые соотнесены с «объектами» внешнего мира. Понимание языка в контексте соотношения «слова» и «объекта» (то, что можно назвать «ономатетической метафорой» или «словоцентризмом») является существенным искажением реальной ситуации. На основе представленных выше идей следует принять другую точку зрения. В этой перспективе язык может быть охарактеризован как *масштабный аппарат по принуждению к определенному изображению события*. Язык заставляет высказываться о событии с использованием ограниченных средств, притом каждое событие он понуждает конструировать и концептуализировать особым образом. В этом заключается *риторический стиль* конкретного языка, или, по словам Уорфа, *конвенциональный способ говорения* (fashion

of speaking)¹. Важно подчеркнуть, что имеется в виду не просто употребление определенных лексем или своеобразная модель соотношения лексем и объектов/ситуаций. Риторический стиль формируется на основе организации значимых элементов в языке в целом, а эта организация затрагивает такие базовые компоненты, как «слово», «морфология», «синтаксис», «часть речи», «обязательность», «функциональная применимость» и пр. Когда мы подчеркиваем специфичность риторического стиля, то имеется в виду его *фундаментальная специфичность*, которая отражает весь строй данного языка – от «слова» до идиоматических средств выражения, востребованных в конкретной речевой практике². Таким образом, каждый язык предоставляет уникальную и ограниченную модель категоризации, конструирования и дескрипции смыслового поля.

Что это означает для философии? Прежде всего нужно признать, что, рассматривая сущность языка, неверно исходить из идеи о соотношении «слов» и «объектов». Безусловно, всякий язык каким-то образом *соотнесен* с миром, однако характер этого соотнесения отличается от упрощенной картины, нарисованной в рамках классического подхода. Во-первых, язык соотнесен не с дискретными объектами (и даже онтогенетически такое соотнесение не является универсальным, о чем свидетельствует тот факт, что процесс усвоения языка сильно зависит от его лексико-грамматической структуры), а с комплексными *событиями* (или *ситуациями*), которые могут члениться и осмысляться объектно, процессуально, сингулярно, разделенно, с использованием разных моделей действия и каузирования и т.д. – богатый иллюстративный материал по этой проблеме можно найти в работах когнитивных лингвистов³; иначе говоря, в самом языке способ представления того, с чем соотнесен язык, обладает чертами *конструктивности*. Во-вторых, в акте соотнесения большую роль играют особенности конкретного языка – заложенные в нем модели категоризации опыта, деление элементов по степени связности, лингвоспецифичные критерии выделения слова, частей речи, паттер-

¹ Whorf B. Language, Thought, and Reality. Cambridge, 1956. P. 158.

² Эта фундаментальная специфичность получила осмысление лишь в одной подробно развитой теории языка, учитывающей, к тому же, широту типологических вариаций, – имеется в виду «радикальная грамматика конструкций» Уильяма Крофта. См.: Croft W. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2001.

³ Ср. разнообразие герменевтических операций: Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 540–551.

ны формальной, лексической, дискурсивной и референциальной обязательности; иначе говоря, важно то, какую организацию значений и узусных моделей навязывает данный конкретный язык (конечно, степень принуждения разнится в зависимости от того, какой компонент языка мы рассматриваем). В-третьих, сам *характер* соотнесения языка и событий может отличаться от языка к языку, что обусловлено перманентным влиянием языка на когнитивные операции, в частности на селективное внимание, восприятие, рабочую память и др.¹; иными словами, язык в каком-то смысле понуждает нас выбирать и подвергать категоризации то, с чем (и как) он должен быть соотнесен. Таким образом, в схеме «язык – соотнесение – событие» лингвоспецифичность релевантна для всех трех компонентов. К тому же из вышесказанного должно быть ясно, что *языковой знак* – ввиду его включенности в сеть многообразных и разнофункциональных отношений внутри языковой системы – не может пониматься в качестве частного случая более общей концепции *знака* – по крайней мере, без ущерба для его сущностных черт; вопреки Соссюру, *лингвистика не является частью семиотики*.

Еще раз обращаем внимание: мы рассматриваем *реальную ситуацию* того, как происходит акт соотнесения языка и действительности, т.е. мы пытаемся выделить наиболее общие и универсальные черты, характерные для такого акта. В этой связи может возникнуть вопрос: правильно ли ограничивать философскую позицию позицией носителя конкретного языка, или человек *в принципе* способен преодолеть ограничения, навязываемые ему конкретным естественным языком и понять сущность языка вообще? На это должен быть дан следующий ответ. Конечно, ограничивать философскую позицию – по определению стремящуюся к универсальности – позицией носителя конкретного языка неправильно, однако это – именно то, что делает вся европейская философия языка на протяжении своей истории. Типичный западный теоретик рассуждает о сущности языка *нерефлексивно*, рассматривая эту сущность в связи с наивной схемой «слово – референция – объект». Рефлексивная позиция состоит как раз в том, чтобы посмотреть на функцию языка в более широкой типологической перспективе, и тогда оказывается, что человек *в принципе* способен преодолеть ограничения, навязываемые ему его родным языком (или несколькими языками), и поставить вопрос о сущности «языка вообще» – о том, что характерно для естествен-

¹ Бородай С.Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм. С. 552–561.

ного языка как языка, однако в философии языка, насколько нам известно, этого до сих пор не было сделано. Мы надеемся, что первые шаги в указанном направлении, которые были намечены в данной статье, в конечном счете приведут к более полному пониманию природы языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М. (2018). Слово и части речи. М.: ЯСК.
- Бородай С.Ю. (2020). Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра, ЯСК.
- Иванов В.В. (2004). Лингвистика третьего тысячелетия. М.: ЯСК.
- Лакофф Дж. (2004). Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: ЯСК.
- Сепир Э. (1993). Аномальные речевые приемы в нутка. В книге: Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс. С. 437–454.
- Хаймс Д. (1975). Два типа лингвистической относительности. В книге: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 7. М. С. 229–297.
- Baker, Mark (2002). *Lexical Categories: Verbs, Nouns, and Adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bisang, Walter (2008). Precategoriality and Argument Structure in Late Archaic Chinese. In *Constructional Reorganization*. Ed. by J. Leino. Benjamins. P. 55–88.
- Croft, William (2001). *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Dixon, Robert, Aikhenvald, Alexandra (2002). Word: A Typological Framework. In *Word: A Cross-linguistic Typology*. Ed. by R.M.W. Dixon, A. Aikhenvald. Cambridge: Cambridge University Press. P. 1–41.
- Haspelmath, Martin (2011). The Indeterminacy of Word Segmentation and the Nature of Morphology and Syntax. In *Folia Linguistica*, 45 (2), P. 31–80.
- Haspelmath, Martin (2012). How to Compare Major Word-Classes across the World's Languages. In *UCLA Working Papers in Linguistics, Theories of Everything*, 17, P. 109–130.
- Hengeveld, Kees, van Lier, Eva (2008). Parts of Speech and Dependent Clauses in Functional Discourse Grammar. In *Studies in Language*, 32 (3), P. 753–785.
- Sasse, Hans-Jürgen (2001). Scales between Nouniness and Verbiness. In *Language Typology and Language Universals: An International Handbook*. Vol. 1. Ed. by M. Haspelmath et al. Berlin – New York. P. 495–508.

- Silverstein, Michael (1981). The Limits of Awareness. In *Working Papers in Sociolinguistics*. No. 84. Austin: Southwestern Educational Laboratory.
- Talmy, Leonard (2000). *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. I: Concept Structuring System. Cambridge, MA: MIT Press.
- Walsh, Michael (1996). Vouns & Nerbs: A Category Squish in Murrinh-Patha (Northern Australia). In *Studies in Kimberley Languages in Honour of Howard Coate*. Ed. by W. McGregor. München. P. 227–252.
- Whorf, Benjamin Lee (1956). *Language, Thought, and Reality*. Cambridge: MIT Press.